

«Турки нередко бывают белокурыми»: Инициалы и инициации в заливе Судак

"Türkler Sarışın da Olabilir": Sudak Körfezi'nde İnisiyaller ve İnisiasyonlar

"Turks Are Often Fair-Haired": Initials and Initiations in the Bay of Sudak

Aleksandr LYUSIY

Saint Petersburg State Institute of Film and
Television, Saint Petersburg, Russia

Sorumlu Yazar/Corresponding Author:

Aleksandr Liusyi PAVLOVICH

E-mail: lusyialeksandr4@gmail.com

Geliş Tarihi/Received 17.02.2026

Revizyon Talebi / Revision 07.04.2026

Request

Kabul Tarihi/Accepted 13.04.2026

Yayın Tarihi/

Publication Date 21.04.2026

Cite this article

Pavlovich, A. L. (2026). "Turks Are Often Fair-Haired": Initials and Initiations in the Bay of Sudak
Russian Insights: Literature, Culture and Linguistic, DOI:
10.62425/ri.1891421

Цитировать эту статью

Pavlovich, A. L. (2026). «Турки нередко бывают белокурыми»: Инициалы и инициации в заливе Судак
Russian Insights: Literature, Culture and Linguistic, DOI:
10.62425/ri.1891421

Content of this journal is licensed under a Creative
Commons Attribution-Noncommercial 4.0
International License.

Аннотация

Тема статьи – пребывание Велимира Хлебникова в Судаке летом 1908 года, ставшее переломным этапом в творческой биографии поэта по пути его движения к «башне» символистского вождя Вячеслава Иванова, оказавшейся, впрочем, столь же «неокончательным» убежищем. В значительной мере этот текст является реакцией на статью известного хлебниковеда Александра Парниса «Хлебников: встречи в Судак в 1908 году (Знакомство с Вяч. Ивановым. Начало диалога)» (Новый мир. 2023, № 1). Автор настаивает, что плодотворный во всех отношениях крымский опыт Хлебникова все же не сводился только к ученичеству у Иванова, гостившего в это время у сестер Герцук.

Ключевые слова: Пространство, Крымский ключ, символизм, барышни, миф, смерть, текст, игра, номинативная деятельность.

Öz

Makalenin konusu, Velimir Khlebnikov'un 1908 yazında Sudak'ta geçirdiği ve şairin yaratıcı biyografisinde Sembolist lider Vyacheslav Ivanov'un "kulesine" giden yolda bir dönüm noktası haline gelen, ancak aynı derecede "sonuçsuz" bir sığınak olduğu ortaya çıkan dönemdir. Bu metin büyük ölçüde, ünlü Khlebnikovolog Alexander Parnis'in "Khlebnikov: 1908'de Sudak'ta Buluşmalar (Vyacheslav Ivanov ile Tanışma. Diyalogun Başlangıcı)" (Novy Mir. 2023, No. 1) başlıklı makalesine bir tepkidir. Yazar, Khlebnikov'un her bakımdan verimli olan Kırım deneyiminin yalnızca Ivanov'un yanında çıraklıkla sınırlı olmadığını savunmaktadır.

Anahtar Kelimeler: Mekân, Kırım anahtarı, sembolizm, barmaidler, mit, ölüm, metin, oyun, nominatif aktivite.

Abstract

The article discusses Velimir Khlebnikov's time in Sudak in the summer of 1908. This period was a pivotal moment in the poet's creative journey, leading him to the "tower" of the Symbolist leader Vyacheslav Ivanov. However, this refuge also proved to be inconclusive. This text largely responds to the article by the renowned Khlebnikov scholar Alexander Parnis, 'Khlebnikov: Meetings in Sudak in 1908: Acquaintance with Vyacheslav Ivanov, the Beginning of a Dialogue' (Novy Mir, 2023, no. 1). The author argues that Khlebnikov's experience in Crimea was fruitful in many ways and not solely confined to his apprenticeship with Ivanov, who was staying with the Gertsyuk sisters at the time.

Keywords: Space, Crimean key, symbolism, maidens, myth, death, text, game, nominative activity.

Введение

Творческая биография Велимира Хлебникова (1885–1922) по сей день остается одним из наиболее насыщенных и вместе с тем наименее изученных пространств русского литературного модернизма. Среди многочисленных эпизодов, определивших становление поэта, особое место занимает лето 1908 года, проведенное им в крымском Судаке. Этот сравнительно краткий период — между Казанью, откуда молодой Виктор Хлебников отправился навстречу символистскому мэтру, и Петербургом, куда он вскоре переберется уже в качестве будущего “Велимира”, — оказался насыщен событиями, встречами и творческими импульсами, значение которых далеко выходит за рамки простого “ученичества”.

Настоящая статья полемически соотносится с недавней публикацией известного хлебниковеда А. Парниса — “Хлебников: встречи в Судак в 1908 году (Знакомство с Вяч. Ивановым. Начало диалога)” (Новый мир, 2023), — в которой судакский опыт поэта рассматривается преимущественно в контексте его “ученичества” у Вячеслава Иванова. Не отрицая принципиальной важности этих встреч, мы стремимся показать, что крымский период 1908 года был значительно более многосоставным: он включал в себя разнообразные пространственные, биографические, любовные и игровые измерения, которые в совокупности сформировали тот особый творческий горизонт, внутри которого и совершалось превращение Виктора Хлебникова в “Велимира”.

Актуальные проблемы и вызовы

Исследование опирается на корпус первоисточников — письма, рабочие тетради, черновики стихотворений, свидетельства современников —, а также на работы Н.Н. Перцовой, В.Н. Терехиной, С.В. Старкиной и других исследователей творческой биографии поэта. Методологическим ориентиром служит концепция “крымского ключа” как герменевтического инструмента, позволяющего соотносить рукописный материал судакских тетрадей с биографическим контекстом лета 1908 года. Кроме того, в анализ вводится понятие номинативной игры — в том виде, в каком оно разработано в диссертации С.С. Беловой применительно к творчеству Хлебникова и Джеймса Джойса —, что позволяет по-новому осмыслить процесс самоназвания поэта, принявшего имя “Велимир”.

В “Автобиографической заметке” от 1914 года Велимир Хлебников писал о себе:

«Родился 28 октября 1885 в стане монгольских, исповедующих Будду, кочевников - имя «Ханская ставка», в степи - высохшем дне исчезающего Каспийского моря (море 40 имен). При поездке Петра Великого по Волге мой предок угощал его кубком с червонцами разбойничьего происхождения. В моих жилах есть армянская кровь (Алабовы) и кровь запорожцев (Вербицкие), особая порода которых сказала в том, что Пржевальский, Миклухо-Маклай и другие искатели земель были потомками птенцов Сечи.

Принадлежу к месту встречи Волги и Каспия-моря (Сигай). Оно не раз на протяжении веков держало в руке весы дел русских и колебало чаши. Вступил в брачные узы со Смертью и, таким образом, женат. Жил на Волге, Днепре, Неве, Москве, Горыни. Перейдя перешеек, соединяющий водоемы Волги и Лены, заставил несколько пригоршней воды проплыть вместо Каспийского моря в Ледовитое. Переплыл залив Судака (3 версты) и Волгу у Енотаевска.

Ездил на необузданных конях чужих конюшен...» (Хлебников 2005, с. 243).

Интересно, что первоначально эти вехи были зафиксированы в оставшихся без названия стихотворных строках, в которых буквальное свершение пловца, обеспокоившее береговые службы спасения, сливаются с то ли фантазиями, то ли пророческим прозрением будущих геополитических перипетий пространства.

Я переплыл залив Судака.

Я сел на дикого коня.

Я воскликнул:

России нет, не стало больше,

Ее раздел рассек, как Польшу.

Стихотворение, впрочем, было написано существенно позже состоявшегося в реальности летом 1908 года переплыва залива между горой Сокол и мысом Алчак (конец 1909-1910 гг.). Как описывал тогдашний литературный пейзаж Василий Каменский, «Гений Хлебникова настолько безбрежен в своем разливе словоокеана, что нам — стоящим у берега его творчества, вполне достаточно и тех прибойных волн, которые заставляют нас преклониться перед раскинутым величием словопостижения» (Каменский 2017, с. 27).

Виктор Владимирович Хлебников (1885-1922) прибыл в Судак летом 1908 года в важнейший период своего творческого становления. В последний, можно сказать, момент перед превращением в «Велимира». Т.е., отнюдь не ради «вакаций», как тогда принято было обозначать каникулярное время отдыха, и на что была настроена семья Хлебниковых тем летом в целом. Он сделал это, чтобы встретиться с Вячеславом Ивановым, инициационно «переплыть залив Судака» (три версты между горой Сокол и мысом Алчак) и озадачить последующие поколения хлебниковедов инициализационной игрой инициалами «В и Д» и «В и И»...

В юности, как отмечено биографами, Хлебников был увлечен творчеством Максима Горького, в котором наверняка была усмотрена родственная «волжская» душа. Не заставившая себя ждать первая пьеса называлась «Елена Гордякина», уже самим названием отсылая к повести «Фома Гордеев». Хлебников сразу же послал ее летом 1904 г. Горькому как приложение к письму (Хлебников, 2006, с. 298).

Хлебников представлял Горькому свой драматургический дебют так:

«Уважаемый и дорогой писатель! Я посылаю Вам первое свое литературное детище — дорогое мне, так как оно написано в минуту искреннего и сильного чувства. Я сам не знаю, имеет ли оно некоторые достоинства или же оно — одна сплошная наивность, непростительная для взрослого. Но мне кажется иногда, что здесь затронут если не совсем новый вопрос, то с несколько новой точки зрения.

Приспосабливаясь к формуле Л. Н. Толстого, я поставил вопрос о нужности или о ненужности брака — видите, какая непосильная тема — и постарался заставить разрешить этот вопрос, каждый по-своему, — патриархально отца П., матушку, вскользь отца В., благочестивую, мечтающую уйти в монастырь Марфушу и мистически настроенную с высоко аскетическим оттенком Елену. Наконец Лобовикова и Зверкова, этих, никогда не задумывавшихся ни о чем уходящем от уровня ежедневной жизни, чувственных животных. Проще говоря, я хотел вывести тип Елены — глубоко мне симпатичный и милый.

Елена совсем не знала и не представляла истинного уровня человеческой жизни. Она всем своим существом верит, что эта жизнь — лишь преддверие в будущую, само же по себе нечто малоценное, она глубоко верит в силу и важность всех установленных обрядов, и отсюда ее жизнь есть ничто иное, как одно сплошное недоумение. Недоумение, отчего люди живут не так, как нужно было бы жить, если бы жизнь была нечто малоценное, лишь условие будущей, а как-то иначе.

Такою она в Том и 2-ом действии. Между 2-ым и 3-им умирает о. П., и Ел. выходит замуж за Лобовикова; в 3-ем — она через несколько дней после выхода замуж. Это мгновенье означает страшный перелом, совершившийся в душе Елены; она поняла низкий уровень жизни, но не хочет помириться с этой жизнью, как таковой. Не хочет помириться и с тем, кто заставил ее увидеть эту жизнь. Оба они умирают. Вот сюжет драмы, вернее драматической повести.

Какой исход ни будет, если Вас не затруднит, пошлите мне Ваше дорогое мнение о недостатках этой вещи, дорогой писатель. Уважающий и любящий Вас в Ваших произведениях В. Хлебников». (Хлебников, 2006, с. 111) Ответный отзыв литературно был вполне ободряющим, хотя подспудные надежды, что пьеса будет опубликована мэтром, не оправдались.

У Хлебникова начинается период увлечения русским символизмом. В рабочих тетрадях замелькали имена и произведения таких авторов, как Блок, Белый, Брюсов, Сологуб, Бальмонт. Как и все символисты, он был восхищен вышедшей в конце 1906 г. «Ярью» Сергея Городецкого, который, посредством словотворчества, обратился к славянским древностям, мифологии языческой Руси.

Особенно же близкими Хлебникову представляли искания Вячеслава Иванова, в частности его статья «О веселом ремесле и умном веселии», впервые опубликованная в тогдашнем журнале журналов (своеобразном журнале-

музее) «Золотое руно» (№ 5 за 1907 г.).

«Искусство идет навстречу народной душе. Из символа рождается миф. Символ - древнее достояние народа. Старый миф естественно оказывается родичем нового мира. <...> Какой хочет стать поэзия? Вселенскою, младенческою, мифотворческою. Ее путь ко всечеловечности вселенской - народность <...> Чрез толщу современной речи, язык поэзии - наш язык - должен прорасти и уже прорастает из подпочвенных корней народного слова, чтобы загудеть голосистым лесом всеславянского слова» (Иванов 1907, сс. 54-55).

«Какой хочет стать поэзия?»... Ответ на этот четкий вопрос виделся в поэзии самого Иванова. Хлебников пишет ему из Казани в Петербург (31.03.1908 г.), приложив 11 своих стихотворений: «Читая эти стихи, я помнил о «всеславянском языке», побег которого должны прорасти толщи современного, русского. Вот почему именно Ваше мнение о этих стихах мне дорого и важно и именно к Вам я решаюсь обратиться. Если Вы найдете возможным, выскажите свое мнение о присланных строках, послав свое письмо по адресу: Казань, 2-я гора, д. Ульянова, ст<уденту> В.В.Хлебникову. Буду премного благодарен Вам. В. Хлебников. 31.08.1908.Казань» (Хлебников, 2006, с. 112).

Последовал ли на это письмо какой-либо ответ, неизвестно. По мнению автора последней развернутой публикации на эту тему Александра Парниса, ответное письмо «не сохранилось», тем не менее «можно предположить, что отзыв так или иначе был положительным». «Кроме того, Вяч. Иванов мог также упомянуть в этом письме, что он летом планирует отдохнуть в Судаке. Несомненно (выделено нами. – А.Л.), это сообщение, надо полагать, и сподвигло молодого поэта на «авантюру», и он уговорил мать поехать на лечение в Судак» (Парнис, 2023, сс. 2023, 213).

Однако, как ранее установлено биографами, весь этот Судакский общехлебниковский летний проект оказался сведением воедино разных импульсов. Отец по служебным обстоятельствам стремился покинуть Казань и переместиться на юг. Мать была озабочена здоровьем детей (не только Виктора, а и его брата Александра, и сестры Веры) и вряд ли ее нужно было специально «угovarивать» на эту оздоровительную поездку, на которую возлагались большие, оказавшиеся даже чрезмерными, надежды. Будущий Велимир, как и отец, желал продолжать учебу не в Казани, а в Санкт-Петербурге, с учетом и «ивановской» башни, путь на которую оказался по типичной хлебниковской «параболе» проложен через Судак. У каждого был расчет на свой промежуточный «залив»...

«Александр пишет из Крыма отцу Владимиру Алексеевичу, что и Вера, и Виктор жалуются на нездоровье, и Екатерина Николаевна тоже плохо себя чувствует. «Вера сначала сильно увлеклась прогулками и бегала одна по горам; по своей наивности и остаткам демократических идей она нашла “очень интеллигентным” рабочего — сына нашего хозяина и некоторое время его и нашего хозяина избрала постоянными спутниками своих прогулок, и даже хотела идти с хозяйским сыном и его товарищем, оказавшимся потом солдатом, охотиться на коз, но недавно хозяйский сын напился и наговорил дерзостей, что, мол, разве это господа, коли дочь одна по пещерам бродит. Теперь Вера одна не ходит и раззнакомилась с сыном хозяина. Витя очень был занят комильфотностью и барышнями» (Старкина, 2007, сс. 39-40).

В. Терехина уделяет внимание встречам Хлебникова с художником Борисом Григорьевым, поведавшим об их сотворчестве на крымских пляжах:

«Там я шлялся по всему полуострову с Виллимиром Хлебниковым, моим другом, и на моих глазах были написаны на песке, пекле купания, его первые слова: “Турки-окурки”... Это было под Карадагом. Там же мы встретили Чалаш-Али, Али-Буллу и Сетию — разбойников, и пили с ними водку и ели кефаль. Это было в 1906 г<оду>. Потом их поймали...”. Речь идет о стихотворении “Крымское”, напечатанном в сборнике “Садок судей-Н” в феврале 1913 года:

Турки
Вырея блестящего и щеголя всегда — окурки
Валяются на берегу.
Берегу

Своих рыбок
В ладонях Сослоненных.
Своих улыбок
Не могут сдержать белокурые
Турки.
Иногда балагурят.
Я тоже роняю окурочек...

В комментарии Хлебникова говорилось: “Вырей — южные страны... Турки нередко бывают белокурыми”. Григорьев отнес крымский эпизод к лету 1906 года. Так же датировал стихи, написанные одновременно с “Крымским”, Давид Бурлюк в “Требнике троих”. Но если Бурлюк таким образом стремился представить более “древней” историю футуризма, то Григорьева, возможно, подвела память, поскольку он проводил в Крыму каждое лето в 1905-1912 годах. Однако текст “Крымского” вместе со стихотворением “Скифское” и статьей “Курган Святогора” был отправлен Хлебниковым Василию Каменскому 10 января 1909 года для публикации в его газете “Луч света”. Судя по воспоминаниям Григорьева, стихотворение складывалось непосредственно на крымском берегу, т.е. летом 1908 года» (Терехина, 1999, сс. 26, 27).

Но наиболее концептуальными стали встречи с Ивановым. По мнению Н.Н. Перцовой, летом 1908 г. именно Судак стал точкой их максимального сближения в качестве «идеологических вдохновителей находящегося уже на спаде русского символизма и еще не сформировавшегося русского футуризма» (Перцова, 2015, с. 35).

Именно «крымский ключ», т.е. сопоставление текстов тетрадей с событиями и впечатлениями лета 1908 г., позволяет упорядочивать эти материалы, уточнять их датировку, а также проследить влияние Иванова на молодого поэта.

«На разных листах тетрадей рукописного наследия встречаются подготовительные материалы к стихотворениям «Крымское» и «Скифское»: список некоторых используемых в них рифм (турки – окурки, линька – синька, ящерица – тащится и др. для «Крымского», стонет – кони для «Скифского» – л. 129 об.), стихотворная заготовка для «Крымского» с использованием одной из рифм («Ящерка точно оставила шкурку для линьки, / Волны точно растворены в синьке» – л. 53 об.), а также черновик стихотворения о море, конец которого совпадает с концом «Крымского» («Лишь бессмертновою я» – л. 112). Запись «Зеленое коло / Общество украшения / Крыма мифом» (л. 106 об.) отсылает к любимой мысли Иванова о поисках единого изначального мифа, стоящего у истоков каждого символа. Единственная у Хлебникова проба в жанре литературной критики – анализ пьесы Л. Андреева «Царь-Голод» (лл. 118 – 119 об.), скорее всего, возникла в ответ на советы Иванова. Некоторые стихи Хлебникова – прямое продолжение ивановских образов; в целом ряде стихотворений Хлебникова заметен внутренний диалог с Ивановым. Возьмем стихотворение Иванова «Жарбог»: «<...> Свершилось: Феникс, ты горишь! / И тщетно, легкий, из пожара / Умчат в прохладу выси мнишь / Перо, занявшееся яро. / С тобой Жарбог шестикрылат; / И чем воздушней воскрыленье, / Тем будет огненной возврат, / И долу молнийно стремленье, / И неудержней в распаленье / Твой возродительный распад». Хлебников, воспользовавшись этим ивановским неологизмом, переносит действие своего стихотворения «Жарбог! Жарбог!» во вневременные и внепространственные сферы, приближая своего жарбога к олицетворенным «неведомым» силам славянской мифологии (л. 59). Наряду с чертами близости уже в это время проступают и черты несходства или даже полярности двух творческих почерков – строгая, стройная умеренность ивановской палитры и безмерная щедрость творческой манеры Хлебникова» (Перцова, 2015, сс. 36, 37).

А. Парнис активно использует этот «ключ», фиксируя некоторые биографические лакуны. «Однако мать поэта почему-то ничего не вспомнила о встречах сына с поэтом Вяч. Ивановым, кумиром Виктора, хотя он, несомненно (?-А.Л.), рассказывал дома о своих первых беседах с мэтром, и это было едва ли не главной целью его поездки в Судак. Трудно понять, чем вызвано такое “умолчание” (а кто и почему на самом деле *умалчивал*? – А.Л.).

К сожалению, ничего не пишет о визитах Хлебникова к Вяч. Иванову и одна из сестер Герцык — Евгения Казимировна в своих воспоминаниях, рассказывая о пребывании мэтра в их судакском доме (добавим, что это

касается не одной, а обеих сестер Герцык, Аделаиды Казимировны – тоже. – А.Л.)» (Парнис, 2023, с. 211).

Аналогичная ситуация творческих встреч/биографических не встреч, кстати, была обозначена ранее в совместной с С. Гардзонио статье А. Парниса «Литературный четырехугольник: Хлебников – Бунин – Джойс – Беккет: новые материалы»: «Пути четырех великих писателей XX века, представителей разных культурных традиций и направлений в русской и европейской литературах – Хлебникова, Бунина, Джойса и Беккета – неожиданным образом пересеклись с судьбой одной итальянско-русской семьи. Но не все члены этого «четырехугольника», по видимому, знали друг о друге. Скорее всего, для Джойса и Беккета существование Бунина и Хлебникова было *terra incognita*» (Парнис & Гардзонио, 2021, с. 119) Исследовательский космос продолжает наполняться смыслами и обрастать контекстами.

А. Парнис рассматривает три редакции стихотворения «Крымское»: первоначальную, которую он начал писать еще в тетради в Судаче, промежуточную, которую он закончил в Петербурге или в Киеве, куда он уехал на рождественские каникулы, и окончательную, которую он перебелил, когда готовил ее для публикации во втором «Садке судей» (1913). Приведем, вслед за исследователем, промежуточную редакцию стихотворения «Крымское», которую он отправил или передал Вяч. Иванову в Петербурге в конце мая следующего 1909 года.

И море шепчет «не вы»,
И девушка с дальней Невы,
Протягивая руки, шепчет: «моречко!»

Мчится камень, вьась, в убегающих уток.
Кто-то платком машет.
Возгласы: «мамаша, мамаша!»
Море ласковой мерой
Веет полуденным золотом.
Ах, об эту пору все мы верим,
Все мы молоды...
И нет ничего невообразимого,
Что в этот час
Море гуляет среди нас,
Надев голубые невыразимые...
Во взорах пес, камень,
Дорога пролегла песками,
Там под руководством маменьки
Барышня учится в воду камень кинуть.

О, этот рыбы в невод лов!
И крик невидимых орлов!
Отсюда далеко все ясно в воде.
Где очами бесплотных тучи прошли,
Я черчу: *В* и *Д*.
Чьи? Не мои.
Мои: *В* и *И*.
Когда-нибудь стоял здесь олень.
Все молчит. Ни о чем не говорят.
Белокурости турок канули в закат.

Где было место богов и земных дев виру,
– Там, в лавочке, – продают сыру.
Где шествовал бог – не сделанный, а настоящий,
Там сложены пустые ящики.
И, снимая шляпу
И обращаясь к тучам,
И отставив ногу
Немного,
Лепечу – я с ними не знаком –
Коснеющим детским, несмелым языком:
Если мое робкое допущение,
Что золото, которое вы тянули,
Когда, смеясь, рассказывали о любви,
Есть обычное украшение вашей семьи,
Справедливо, то не верю, чтобы вы мне не сообщили,
Любите ли вы «тянули»,
Птичку «сплю»?
А также в науке «русский язык» прошли ли
Спряжение глагола «люблю»?

Ветер, песни сея,
Улетел в свои края.
Всё забыло чары дел.
Лишь бессмертновею
Я.
Только.

И кроме того, ставит ли учитель двойки?

Почти несомненно, что инициалы «В. Д.» принадлежат казанской знакомой Варваре Ивановне Дамперовой (1887 — 1942), сестрой его соученика по университету Д. И. Дамперова, в которую он был там влюблен и к которой, вероятно, обращено стихотворение Хлебникова «Ирония встреч».

Что касается «В.И.», то здесь, оказывается - никаких «барышень», поскольку эти строки почему-то «как бы исключают любовь к женщине и адресованы мужчине» (?) (Парнис, 2023, с. 214). Из двух версий – имеется ли в виду сам мэтр, или его падчерица, вскоре ставшая его третьей женой, Вера Константиновна Шварсалон-Иванова (1889 — 1920) делается решительный выбор в пользу первого. «Между тем со всей определенностью можно сейчас сказать, что под этими инициалами несомненно имеется в виду только Вяч. Иванов, а весь контекст обращен к членам его семьи».

Определенно можно сказать, что столь однозначно (а может, «неоднозначно», но иначе) инициалы «В.И.» могли быть прочитаны самим Вячеславом Ивановым, отреагировавшим при получении «Крымского» ответным стихотворением «Подстерегатель».

Нет, скромный мой подстерегатель, Лазутчик милый!
я не бес,
Не искунитель, — испытатель, Оселок, циркуль, лот, отвес.
Измерить верно, взвесить право
Хочу сердца — и в вязкий взор
Я погружаю взор, лукаво

Стеля, как невод, разговор.
И, совопросник, соглядатай,
Ловец, промысливший улов,
Чрез миг — я целиной богатой,
Оратай, провожу волов:
Дабы в душе чужой, как в нови,
Живую врезав борозду,
Из ясных звезд моей любви
Посеять семенем — звезду.

Для убеждения «ученика», что он не «искуситель», а «подстерегатель», наставник в своем «ответе», по наблюдению А. Парниса, развивал образы и темы, предложенные молодым поэтом-«совопросником» в «Крымском». Например, образ невода-сетей, а также мотив ловца из этого стихотворения возникают во второй и третьей строках стихотворения «Подстерегателью». Сквозная тема «сеятеля» из «Крымского» превращается в евангельскую притчу о сеятеле в финале текста Вяч. Иванова. А тема сердечной привязанности, заявленная Хлебниковым в окончательной редакции (ср. подзаголовок в промежуточной редакции стихотворения — «Записи сердца»), трансформируется в тему завоевателя сердец в «ответном» стихотворении мэтра (Парнис, 2023, с. 215).

И «завоеванный» Хлебников немедленно выбросил из головы Веру Шварсалон и сосредоточился в своих инициалах сугубо на контексте «ученичестве» у мэтра?

Для собственно поэтического диалога рекомендуется следующий ряд: «Крымское» — «Подстерегателью» — «Зверинец».

Ну, а как же мерцание «В.И.»? Какие там таятся искушения, семейные утопии, звания (и завоевание каких именно сердец?

Представляется, что со стороны Хлебникова и здесь имела место игра разными смыслами, стихиями и звуками, развернутая в его «судакском» цикле.

И море шепчет «не вы»,
И девушка с дальней Невы,
Протягивая руки, шепчет: «моречко!»
А воробей пронесет семячко ...

На просторе между двумя тучами, довольно узком,
Облачки с криком: лови!
Гонялись друг за дружкой.
Но тучи сердились,
Тучи шептали: смирно! ви!
(Они дурно выражались по-русски.)
И облачки уселись рядом,
И все вместе помчались к новым ядам.

Рискну привнести это «засевание» контекст номинативной деятельности как процесса возникновения имени для обозначения тех или иных объектов реального мира, обозначенный в незамеченной хлебниковедами диссертации Светланы Сергеевны Беловой «Номинативная и этимологическая игра в художественном дискурсе (На материале произведений Джеймса Джойса и Велимира Хлебникова)» (Тюмень, 2004). «Творчество и жизнь русского футуриста - это игра, посредством которой поэт выражает свое мироощущение. Взять хотя бы имя, придуманное им самим - Велимир; номинативная игра достигается путем переплетения слов «мир», «великий», «времири», «Ладомир», «Виктор Владимирович» (его настоящее имя). «Мир» - одна из наиболее встречающихся номинаций в его поэзии, а мир - это жизнь, которую автор метафорически переосмысливает в сочетании с феноменом «смерти», т.е.

прекращением жизни: «Что мир - только усмешка, что теплится на устах повешенного» - концепция «веселого понимания жизнесмертия» (Белова, 2004, с. 153). Это была игра самосозидания из, казалось бы, несовместимых вещей.

Сочетание биографических и текстологических исследований жизни и творчества Хлебникова наверняка таят ещё немало “кладов”.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что судакский период 1908 года занимает в творческой биографии Хлебникова место значительно более сложное, чем то, которое отводит ему традиционный нарратив об “ученичестве” у Вячеслава Иванова. Кігім стал пространством пересечения нескольких разнородных силовых линий: символистского наставничества и поэтического диалога с Ивановым, юношеских любовных увлечений — зашифрованных в инициалах “В. Д.” и “В. И.”, — стихийного сотворчества с художником Борисом Григорьевым, семейных обстоятельств и, наконец, физического испытания, которое Хлебников сам позднее превратит в инициационный миф: переплытие залива между горой Сокол и мысом Алчак.

Метинтекстуальный анализ поэтического диалога “Крымское” — “Подстерегателью” — “Зверинец” убедительно демонстрирует, что молодой поэт взаимодействовал с Ивановым не как пассивный ученик, воспринимающий уроки мэтра, но как равноправный, хотя и не признанный пока, собеседник, способный переосмыслить и переигрывать символистские образы в собственном ключе. Ответное стихотворение Иванова “Подстерегатель” свидетельствует о том, что сам мэтр почувствовал в молодом “совопроснике” нечто большее, чем просто внимательного слушателя.

Концепция номинативной игры, введенная в данной работе как аналитический инструмент, позволяет рассматривать имя “Велимир” не просто как псевдоним, но как результат развернутого творческого акта самосозидания, корни которого уходят именно в судакское лето 1908 года. Переплетение слов “мир”, “великий”, “Виктор Владимирович”, “Ладомир” и “времири” в едином имени отражает ту же логику, что и игра инициалами в “Крымском”: имя становится микрокосмом, в котором биографическое и мифопоэтическое неотделимы друг от друга.

Таким образом, Судак 1908 года предстает не просто географической точкой на карте хлебниковской биографии, но подлинным семиотическим узлом, в котором сошлись несколько траекторий: движение от символизма к тому, что впоследствии станет футуризмом; переход от “Виктора” к “Велимиру”; первый опыт поэтического диалога с признанным мэтром. Дальнейшее изучение этого периода, прежде всего рукописного наследия судакских тетрадей в сопоставлении с биографическими источниками, несомненно откроет новые “клады” в богатейшем творческом мире Хлебникова.

Hakem Değerlendirmesi: Dış bağımsız.

Çıkar Çatışması: Yazar, çıkar çatışması olmadığını beyan etmiştir.

Finansal Destek: Yazar, bu çalışma için finansal destek almadığını beyan etmiştir.

Yapay Zeka Kullanımı: Yazar, çalışmada yapay zeka araçları kullanmadığını beyan etmiştir.

Peer-review: Externally peer-reviewed.

Conflict of Interest: The author have no conflicts of interest to declare.

Financial Disclosure: The author declared that this study has received no financial support.

Use of Artificial Intelligence: The author has stated that they did not use artificial intelligence tools in this study.

Ссылки / References

Belova, S. S. (2004). *Nominative and etymological play in literary discourse (Based on the works of James Joyce and Velimir Khlebnikov)* [Doctoral thesis]. Tyumen State University.

Bourdieu, P. (1990). *The logic of practice* (R. Nice, Çev.). Stanford University Press. (Orijinal çalışma 1980 tarihli dir).

Ivanov, V. (1907). On the joyful craft and smart joy. *Zolotoe Runo*, (5), 47–55.

Kamensky, V. (2017). On Khlebnikov. İçinde *Slavozhd, V. Khlebnikov: Pro et contra* (Cilt 1, s. 27). RAHA Publishing House.

Khlebnikov, V. (2000–2006). *Collected works: In 6 volumes* (R. V. Duganov, Ed.; E. R. Arenzon & R. V. Duganov, Der.). IMLI RAS, Nasledie.

Kruchenykh, A., & Khlebnikov, V. (2014). The word as such, 1913: Declaration of the word as such. İçinde J.-F. Jacquard & A. Morard (Eds.), *"The Word as Such": On the anniversary of Russian futurism: Proceedings of the international scientific conference (Geneva, April 10–12, 2013)* (s. 1–16). Press of the European University at St. Petersburg.

Parnis, A. (2023). Khlebnikov: Meetings in Sudak in 1908 (Introduction to Vyach. Ivanov. Beginning of a dialogue). *Novy Mir*, (1), 210–219.

Parnis, A., & Garzonio, S. (2021). Literary quadrilateral: Khlebnikov–Bunin–Joyce–Beckett (New materials). İçinde *Russian modernism and its legacy: Collective monograph in honor of the 70th anniversary of N. A. Bogomolov* (s. 179–211). New Literary Review.

Pertsova, N. N. (Ed.). (2015). *Khlebnikov's early word-creating notebooks: Facsimile reproduction of the notebooks: Summary. Commentary*. Lexrus.

Pertsova, N. N. (2015). Crimea in Khlebnikov's creative biography. İçinde G. G. Isaev (Ed.), *Velimir Khlebnikov and world artistic culture: Proceedings of the XII international Khlebnikov readings* (s. 35–37). Astrakhan University Publishing House.

Starkina, S. V. (2007). *Velimir Khlebnikov*. Molodaya Gvardiya.

Terekhin, V. N. (1999). Khlebnikov in the artistic world of Boris Grigoriev. *Bulletin of the Velimir Khlebnikov Society*, (2), 23–31.